

У

дивительная книга удивительного автора. Геолог Алексей Григорьевич Валуйский страну исколесил порядком. В 2016 году, выйдя на пенсию, вернулся в родительский дом и написал книгу о Костенках и своей жизни. Но нынешнее время свершило с ним еще один крутой поворот — он уехал к детям в Швецию и Данию. А оттуда попросил корреспондента районной газеты «Народное слово» Ольгу Соболеву написать предисловие к его воспоминаниям.

Ольга с сердечным пониманием сообщила факты, интересные что шведу с датчанином, что русскому. Планировал геодезист в родном селе ботанический сад создать — выкопал пруд, рыбу запустил, вокруг флора и фауна Дальнего Востока, где больше всего провел «рабочего времени».

Приехал в зарубежье и там не потерялся: шведские и датские тележурналисты сняли о нем документальный фильм как о незаурядном русском ботанике, умеющем целебный женьшень районировать в любой точке света. Потом новое журналистское открытие — 82-летний пенсионер плетет ультрамодную мебель из лозы... Этим журналистам Алексей Григорьевич поведал и о книге своей: «Если ляжет на душу — переводите, печатайте... Это горькая история о моем украденном детстве, через которое познал я глубокий смысл жизни...»

Кроваво-красный цвет форзаца будто ответ того, что довелось пережить автору. Цитируем строки, которыми зачитываются учащиеся шведских и датских школ.

...Это случилось в прекрасный летний день в селе Костенки. Мы, беззаботные мальчишки и девчонки, играли на улице. Внезапно в небе появились низколетящие самолеты. Нам, никогда не видавшим самолета, было интересно, но вдруг раздались выстрелы, а через какое-то время в селе появились вооруженные мотоциклисты в серых шинелях... Стало страшно. Через некоторое время в подворьях завизжали свиньи, заполошно кудахтали куры, плакали женщины... Немцы пошли по дворам, началось мародерство и грабеж — все отбирали у мирного населения.

На берегу Дона жил одинокий мужчина по прозвищу Еграй. Он не был призван в армию по болезни. И вот к нему зашел немец и начал искать продукты. Вошли в

подвал, где стояла бочка с остатками соленых огурцов. Немец заглянул в бочку, а в это время Еграй опрокинул его головой в раскол. Немец захлебнулся, а хозяин, не взяв оружия, к вечеру переплыл Дон и ушел. Немцы, обнаружив погибшего, посчитали, что он захлебнулся сам. Если бы Еграй забрал оружие, то немцы наверняка расстреляли бы пол-улицы мирных жителей...

Оккупанты допрашивали, пытали: «Где партизаны, где русские солдаты?» Видно, они считали, что солдаты прячутся среди населения... Четверо ребят в возрасте 13–15 лет из села Боево пригнали на колхозный двор бычков.... А на другой день предатель Брыкин немцам сказал, что эти ребята и есть партизаны. Фашисты заставили их копать яму, после расстреляли и побросали тела в эту яму. За три недели немцы расстреляли 14 человек...

...Женщин, в основном наших матерей, стали угонять на работы: рытье окопов, возведение укреплений. В домах оставались беззащитные старики и дети... Избиения и насилия происходили на наших глазах. Было очень страшно.

...В конце июня всех вывели из домов и погнали в неизвестном направлении. За малейшее неповиновение били прикладами и нагайками. Гнали как скот. Очень хотелось пить. К вечеру пригнали к лесу у хутора Россошки. Там был заброшенный колодец, и все бросились к нему утолять жажду. Утром опять всех погнали дальше. Голодные, уставшие, люди не выдерживали и падали. Рядом идущие помогали им подняться, чтобы двигаться дальше, но немцы избивали всех прикладами и нагайками, совсем ослабленных расстреливали... Пригнали к окраине села Семидесятого. Там были какие-то овчарни, обнесенные колючей проволокой. Территория охранялась солдатами и собаками, и тут все поняли, что это лагерь. Если по пути некоторым удавалось бежать, то отсюда убежать практически было невозможно.

Жили в сарае, спали на полу, кормили баландой. Постоянно кого-то избивали плетками и прикладами, травили собаками, многих расстреливали в овраге, который находился рядом с лагерем. Нас одолела вшивость, люди умирали от тифа...

Октябрь. Полураздетые голодные пленники были доведены до отчаяния. Тех, кто пытался бежать, расстреливали.

Моей маме, мне и тете Лене с дочкой ранним утром все же удалось убежать из лагеря. К вечеру по оврагам, через балки мы добрались до Кочетовки. Приютили нас местные жители, отогрели, напоили чаем, а утром дали кое-какую одежду, немного еды, и мы отправились в Россошки: там нашли дедушку с бабушкой — родителей мамы. Они жили в небольшой землянке. Стали жить все вместе. От них мы узнали о смерти моей тети Шуры Шмыковой — умерла от тифа. Ее пятилетний сынишка Вова был жив, находился у родителей отца, который воевал на фронте. (Перенеся все военные и послевоенные тяготы и невзгоды, Володя потом окончил университет, стал офицером, ушел на пенсию в звании полковника).

Было холодно и голодно. Зима выдалась снежной и очень морозной. В землянке топили небольшую печь, возле которой по очереди грелись...

Немцы относились к нам жестоко. Малейшая неповиновенность — расстрел....

Был такой случай. Петр Усков (по прозвищу Чурик) шел через лес и увидел четырех человек. Оказалось, трое немцев ведут Ивана Васильевича Колякина, тот сказал Чурику: «Петруша, прощай. Меня ведут на расстрел, признали партизаном». Тогда Чурик начал разговаривать с немцами на немецком языке. Убедил их, что Калякин не партизан, а всего лишь местный портной, и его отпустили. Петр Усков в Первую мировую был в немецком плену. Пять лет работал у фермера в Германии — отсюда и знание немецкого языка. Немцы его использовали потом во время оккупации как переводчика...

...Ночью 16 января 1943 года в хуторе Россошки завязался бой. Утром, когда стрельба затихла, вместо промерзших и злых фашистов мы увидели наших сол-

даты. От радости многие плакали. Солдаты тяжело всех, детей брали на руки, дарили конфеты, печенье, сахар — кто что мог. Мы с сестренкой Аней соревновались, кто больше наберет подарков. Самый счастливый день моего детства! Вечером крепко уснули и не слышали, как ночью шла автоматная стрельба... Хутор снова заняли немцы. Ночью опять был бой. Немцы, отступая, бросали гранаты в дома, землянки — много тогда погибло мирных жителей.

Утром и весь день — тишина. Страшная и загадочная. Стали появляться крытые грузовые машины. Это были «Катюши». Дедушка приговаривал: «Ну, сегодня будет! Ох, что сегодня будет!..»

...Закат — и все сумерки озарились факелами. «Катюши» ударили по Кочетовке, над которой поднялось красное зарево и стоял гул канонады...

На следующий день на улицах ни души — только трупы погибших фашистов на дороге и по обочинам. Ужасное зрелище. Мы занялись поиском еды и одежды. Дед своим дочерям сказал: «Если кто-либо из вас принесет в землянку одежду с убитого, выгоню как собаку...» Мама и тетя Лена принесли несколько пачек гречневой каши. Для нас это был праздник...

...Вернувшись в родные места, увидели жуткую картину. Село немцы превратили в пепелище. Наша хата сгорела, пришлось жить у бабушки. Было холодно, спали на печке и полатах. В хате раздеться было невозможно...

...Весной мама решила вернуться в Попов лог, где осталась целая хата моего деда — свекра матери. Стали жить в этой хате, но вскоре нас выселили и разместили в ней правление колхоза. Оказалось, деда когда-то раскулачили, а хату отобрали, и мы не имели права в ней проживать. Нас выселили в колхозный амбар, из которого тоже скоро выгнали. Пришлось жить в шалаше. Маме тогда помог ее дядя — Лунев, который обратился в Гремяченский райисполком о передаче нам хаты, ранее отобранной при раскулачивании деда. Райисполком решил вопрос положительно. Мы заселились, но правление колхоза не ушло. Нам пришлось жить вместе с правлением, перегородив хату на две половины...

... Жизнь была тяжелой. Пищу готовили на костре, не было посуды и домашней утвари. Топор — и тот один на три-четыре двора. Не было света, жгли лучины. Огонь добывали с помощью «секиры». Это гранитный камень, пжж и кусок плоского напильника. Когда бьешь металлом о камень, высекаются искры, от них загорается пжж, который раздуваешь и получаешь огонь...

...В мае получили письмо от отца. Он находился в эвакогоспитале города Канска. Появилась надежда на его скорое возвращение, но радость была недолгой — где-то 20 июня нам пришло извещение о смерти отца...

...Нищета, голод. Не было хлеба, в пищу добавляли лузгу, желуди, крапиву, одуванчики. В реке набирали ракушек — их варили, жарили и ели. Вкусно! Напоминает яичницу. Не было обуви... Так и бегали — грязные, невымытые, с полопавшимися пятками...

Отступая, немцы оставили множество боеприпасов. От мин и снарядов погибло 55 мальчиков в возрасте до 17 лет. Многие стали инвалидами. Вся детвора была с нарушенной психикой. Меня нередко преследовал какой-то страх, я просыпался по ночам и куда-то бежал, кричал... Мне кажется, из-за такого детства большинство людей не дожило и до 60 лет...

...Сентябрь. Убрали скромный урожай. Дети в школу пошли полураздетые, разутые, оборванные. Слава Богу, что средняя школа, построенная в довоенное время, осталась цела. Помещения не отапливались, на занятиях сидели одетыми...

Чернила замерзали, и на них приходилось постоянно дышать. Занятиям мешали не только голод, холод, но и вши... В конце года нам выдали тетради, карандаши и буквари (один на троих). Вот так в 1944-м я закончил первый класс.

Весной все взялось за работу. Основная тяжесть легла на плечи женщин — с

утра до вечера трудились в колхозе. Мы вели борьбу с грызунами, подвозили воду. Вечерами собирались у деда Акима Праслова, чтобы отведать кусочек горячего жмыха. Дед Аким один воспитывал четверых внуков-сирот. В селе было много сирот, которые жили без родителей, со старшими братьями и сестрами...

Мне было 12 лет, матери колхоз выделил волов для вспашки огорода. А кто будет пахать? Осваивать профессию пахаря пришлось мне. Упряжка состояла из ярма, которое одевалось на шеи волов, к дышлу крепился бужок, который состоял из двух колес и лемеха с ручками. Вола с правой стороны дышла погоняли: «Цоб-цобе». Он шел по борозде, а вола с левой стороны тоже погоняли: «Цоб-цобе». Пахарь за ручки управлял бужком и плугом.

Все было бы хорошо, но ослабший вол отказался ходить. Лег в борозду и не встает. Что я только ни делал, ничего не помогало. Я плакал. По улице шли мужики и подсказали мне: «Ты хвост ему покрути». Помогло. Вол вскочил — и бегом, так, что я еле догнал его. Благодаря этой хитрости, я вспахал огород...

Да... война украла у нас детство. Мы многого не видели, у нас не было ни лыж, ни коньков, ни велосипедов. Однако мы жадно тянулись к знаниям, ко всему новому. В пятом классе, получив некоторые знания, я смастерил детекторный приемник. Где-то достали наушники и слушали по радио Москву... Не было света. Приходилось делать ветряки для освещения. С их помощью освещали жилье двенадцативольтовыми лампочками...

Но мы верили в будущее. Практически все получили среднее образование. Большинство из нас поступило в институты и высшие военные училища — стали офицерами, агрономами, руководителями крупных сельхозпредприятий, а некоторые — даже учеными и заслуженными артистами. Мы своим трудом за 25 послевоенных лет создали мощное передовое государство...

...Чтобы больше оставить память о себе, необходимо хорошо учиться, обогащать свою память знаниями. Высокообразованный человек делает меньше ошибок и выбирает в жизни правильный путь. Только грамотное, эрудированное поколение способно вершить чудеса. В этом, на мой взгляд, заключается смысл жизни.

